

О. Р. Хромов

**Об одном источнике
русской орнаментальной гравюры XVII века**

Статья посвящена изучению русского орнамента XVII в. Впервые в научный оборот вводится серия «Портреты королей и героев» («Heds of Kings and Heroes») 1594 г. Николая де Брюина (Брайн, Бруин, Nicolaes de Bruyn, 1571–1652/6), которая переиздавалась в XVII в. и использовалась русскими мастерами в качестве иконографического источника для русской орнаментальной гравюры. Мотивы де Брюина повторяются в гравюрах Л. К. Бунина и других мастеров. Доказательством использования нашими мастерами непосредственно гравюр нидерландского мастера стал обнаруженный в научной библиотеке Казанского государственного университета экземпляр Библии Маттеуса Мериана, к которой были приплетены серии «Сотворение мира» и «Портреты королей и героев» Николая де Брюина. По внешним признакам, этот конволют находился в обиходе иконописца и служил своеобразным иконописным подлинником.

Ключевые слова: русская гравюра XVII в.; орнаментальная гравюра; русская орнаментика XVII в.; иконографические источники; иконописный подлинник; московское барокко; нарышкинский стиль

Oleg Khromov

**On One Source
of Russian Ornamental Engraving
of the 17th Century**

The article is devoted to the study of Russian ornament of the 17th century. For the first time, the series “Portraits of Kings and Heroes” (“Heds of Kings and Heroes”, 1594) by Nicolaes de Bruyn (1571–1652/6) is introduced into scientific circulation. It was republished in the 17th century, and was used by Russian masters as an iconographic source for Russian ornamental engraving. De Bruyn’s motifs are repeated in the engravings of L. Bunin and other masters.

The proof of the direct use of the Dutch master's engravings by the Russian artists was a copy of the Matthäus Merian Bible discovered in the Scientific Library of Kazan State University, to which the series "Creation of the World" and "Portraits of Kings and Heroes" by Nicolaes de Bruyn were bound. By its appearance, this convolute was in everyday use of the icon painter, served as a kind of original icon painting.

Keywords: Russian engraving of the 17th century; ornamental engraving; Russian ornamentation of the 17th century; iconographic sources; original icon painting; Moscow baroque; Naryshkin style

Последняя треть XVII в. связана с формированием и развитием нового стиля в русском орнаментальном искусстве. Во второй половине 1670-х гг. этот стиль приобрел вполне узнаваемые черты. По наблюдениям А. С. Зерновой, в московской печатной книге новая орнаментика утвердилась в 1676–1678 гг., когда произошла практически полная замена орнаментальных гравированных досок (печатных форм), оттиски с которых украшали издания Московского печатного двора [3, с. 26]. Орнаментальные мотивы и композиции, аналогичные декоративным украшениям изданий московского печатного двора видим в гравированных на меди рамках-заставках, которые исполняли на продажу для украшения рукописных книг с 1670-х гг. московские мастера Афанасий Трухменский, Леонтий Бунин, Василий Андреев, инок Феофан. Близкие по мотивам декоративные элементы можно наблюдать в архитектуре, изразцах, резных иконостасах и церковных росписях, иконописи. Эта единая орнаментальная культура распространяется на все отечественное искусство последней четверти XVII в., иногда ее называют «визитной карточкой» эпохи – нарышкинского стиля, московского барокко. При этом русская орнаментика пополнялась новыми мотивами, осмысливала их, органично воспринимала созданные на их основе композиции, сохраняла единую стилистику.

В русском орнаментальном искусстве последней трети XVII в. исследователи видели эклектичность, хаотичные и случайные заимствования из западноевропейского искусства, украинские и белорусские влияния. В последние годы понимание орнаментального искусства эпохи изменилось, отдельные мотивы получили сим-

волическое объяснение, в композиционных построениях увидели программы, органично соединявшие книжный декор с текстом. Тем не менее одним из основных вопросов в изучении орнаментального искусства последней трети XVII в. остается вопрос об иконографических источниках, заимствованиях мотивов и композиций в работах московских мастеров.

Сегодня можно назвать некоторые конкретные серии и произведения западноевропейского искусства, которые использовали в своих работах русские мастера. Прямые аналоги находим в орнаментальных композициях, созданных европейскими мастерами Теодором де Бри (Theodor de Bry, 1528–1598) и его сыновьями – Иоганном Теодором де Бри (Johann Theodor de Bry, 1561–1623), Иоганном Израэлем де Бри (Johann Israel de Bry, 1565–1609); Абрахамом де Брюином (Брайн, Брюин, Abraham de Bruyn, 1540–1587) и его сыном Николаем де Брюином (Брайн, Брюин, Nicolaes de Bruyn, 1571–1652/6); учеником Теодора и Иоганна Теодора де Бри Мишелем Ле Блоном (Michel Le Blon (Blondus), 1587–1656); Этьеном Делане (Делон, Etienne Delaune, 1519–1583) и др. [6, с. 118–120].

Русские мастера-орнаменталисты, или, как их именовали в документах приказов, знаменщики трав, работали так же, как и европейские мастера: использовали различные мотивы, например, четырех–шестилепестковые цветки, тюльпаны, выюнки, стилизованный акант, розетки, различные плоды, букеты, вазоны и т. п., создавая из них собственные, оригинальные композиции; могли при необходимости заимствовать части композиций (своеобразное цитирование) или полностью копировать оригинал. Наиболее ярко этот процесс можно наблюдать в книжной графике в многочисленных гравированных рамках-заставках, служащих своеобразными титульными листами в рукописных книгах. Одним из самых интересных памятников с точки зрения разнообразия мотивов, их комбинаций, композиционных решений рамок, обрамляющих иллюстрации, можно назвать Синодик, гравированный Леонтием Буниным около 1700 г.

Русские мастера ясно осознавали возможности применения тех или иных мотивов, их сочетаний и композиций в каждом конкретном случае. Например, в рамках-заставках с изображениями

в медальонах Святой Троицы и Успения Пресвятой Богородицы видим почти неразличимые орнаментальные построения в заставке, концовке и колонках. Отличие лишь в одной детали, казалось бы, незначительной, но определяющей акцент, смысл всей композиции: в рамке-заставке с изображением Святой Троицы в базах колонок находятся цветки с пышными соцветиями, а в рамке-заставке с Успением Богородицы вместо них – поникшие лилии [7, с. 361, 364; 6, с. 111].

Орнаментальные композиции в многочисленных рамках-заставках (для изданий 1670–1700 гг. сегодня известно ок. 70 вариантов) по своему символическому звучанию всегда сочетались с изображениями в медальонах заставок и текстами, которым рамка служила обрамлением.

Конечно, в орнаментальном декоре нет строго индивидуального значения для каждого мотива, как и в целом композиции, соответствующей конкретному изображению в медальоне заставки. Здесь символические значения имеют общий характер, например, одни мотивы и композиции соответствуют господским праздникам, другие богородичным, третьи – изображениям святых. Это подтверждает повторение мотивов и композиционных решений в рамках с однотипными изображениями.

Известно, что западноевропейская христианская символика не всегда соответствовала православной традиции. Московские мастера, заимствуя изображение, интерпретировали его в духе православия, в основном исходя из сочинений святителя Иоанна Златоуста и благовестного (толкового) Евангелия святителя Феофилакта Болгарского, которое с XV в. активно влияло на русские символические изображения. По рекомендации святителя Киприана, митрополита Московского, Киевского и всея Руси (ум. 1406) Толковое Евангелие святителя Феофилакта Болгарского было рекомендовано для чтения в храмах в качестве проповеди в XVII – начале XVIII в. Оно неоднократно издавалось Московским печатным двором [5, с. 22, 29; 2, № 217, 486]. Это Евангелие было хорошо знакомо русским людям и содержало в себе объяснение многих церковных символических сюжетов и изображений.

Таким образом, работа русского художника-орнаменталиста заключалась не только в заимствовании и интерпретации западноевропейского иконографического источника, но и в его адаптации, подчинении православной традиции.

В настоящее время в русских орнаментальных композициях выявлены конкретные заимствования и «цитаты» из западноевропейских гравированных изданий XVI–XVII вв., установлены их конкретные иконографические источники. Например, в концовках рамок-заставок с изображениями в медальонах Креста и композиции «Воздвижение Креста Господня» в верхней части орнаментального обрамления образа святителя Николая Чудотворца мы видим композицию с изображением совы в центре в окружении маскаронов и белочек по сторонам. Практически точный их аналог находится на портрете Карла Великого (Carolus Magnus) Николая де Брюина 1594 г. из серии «Портреты королей и героев» (Hheads of Kings and Heroes, Hollstein Dutch, 1594, 155–166). Еще один пример – орнамент на портрете Эразма Роттердамского (Desiderius Erasmus Roterodamus) 1597–1599 гг., гравированного Иоганном Теодором де Бри (Johann Theodor de Bry) по оригиналу Альбрехта Дюрера (Albrecht Dürer) 1526 г. Сходную композицию видим на портрете царя Давида из уже названной серии «Королей и героев». Эта композиция в нижней части имеет сложное орнаментальное обрамление в виде колонок с белочками, кроликами и львиными мордами, которые соответствуют архитектурным элементам в рамке-заставке Леонтия Бунина 1690-х гг. [7, с. 256, 257]. Аналоги других архитектурных элементов в этой рамке-заставке, в частности колонок, можно найти в известных увражах нидерландского художника и архитектора Ганса Вредемана де Вриса (Hans Vredeman de Vries, 1527–1607). В этих примерах видим заимствования отдельных частей орнаментальных композиций, своеобразные «цитаты» из западноевропейских произведений.

Из многочисленных изображений животных в западноевропейской орнаментальной гравюре русские мастера заимствовали лишь отдельных представителей фауны, опираясь на объяснения в Благовестном Евангелии святителя Феофилакта Болгарского, творениях

святителя Иоанна Златоуста и других святоотеческих сочинениях. Эти изображения иногда копировали достаточно точно, как модуль с растительным орнаментальным обрамлением, иногда заимствовали только фигуру представителя фауны и помещали ее в соответствующее ей по мысли русского художника обрамление, при этом место в композиции совы, собаки, лиса или белки полностью определялось нашим мастером. Иконографические источники изображений животных на русских гравюрах можно видеть, например, в работах Николая де Брюина: на листах серии портретов античных героев и героинь – Вирджинии (Virginia, Hollstein Dutch, 126) с совой, белочками, собакой и птицами; императора Августа (Caesar Augustus) с лисицами; серии «Главные добродетели» (Cardinal Virtues) с изображением Веры (Fides, Hollstein Dutch, 178) а также на других гравюрах представителей семьи де Брюинов. Отметим, что прототипы русских орнаментальных мотивов находим в большинстве случаев в гравюрах представителей династий де Брюинов и де Бри.

Особая тема – иконографические источники изображений птиц в различных положениях, которые были очень популярны в орнаментике московского барокко. Поиск конкретных источников их изображения представляет собой трудную задачу, поскольку античное орнаментальное наследие активно использовалось в Европе и мотивы птиц на плодах, птиц в различных побегах, в цветах получили широкое общеевропейское звучание и распространились в том числе и по просторам России.

Главная сложность в определении иконографических источников орнаментики московского барокко заключается как раз в том, что большинство мотивов носит общеевропейский характер, встречается практически во всех орнаментальных произведениях XVI–XVII вв. Тем не менее приведенные примеры показывают, что выявление иконографических источников московского барокко возможно.

Затрудняет изучение орнаментики XVII в. либо отсутствие сведений о бытовании на территории Московского царства каких-либо западноевропейских орнаментальных произведений, например альбомов орнаментальных образцов для резчиков, вышивки

и т. п., серий орнаментальной гравюры, либо слишком общий характер имеющихся сведений, например в описях имущества, не позволяющий конкретизировать издание. Все приведенные примеры выявлены путем просмотра западноевропейских изданий и их сравнения с русскими. Так, было установлено, что один из основных иконографических источников заимствования зооморфных и растительных элементов в гравюрах московского мастера-знаменщика, словописца, златописца и гравера Л. К. Бунина – серия «Портреты королей и героев» Николая де Брюина («Heads of Kings and Heroes» (1594). Hollstein F.W.H. V. IV, 155–166). Гравюры представляют собой портреты (преимущественно легендарные) королей и героев прошлого в орнаментальном обрамлении, сочетающем стилизованные растительные элементы с изображением фигур реальных и мифологических животных. Этот стиль орнаментики получил широкое развитие во Франции, Нидерландах, Германии в XVI в. и продолжал свое развитие в XVII в. Мотивы и композиции этого стиля использовали в своих изданиях Плантен-Моретус (Plaan- tin-Moretus), Эльзивиры (Elsevier) и др. издатель и мастера-граверы. Среди русских мастеров преимущественно Л. К. Бунин был продолжателем и интерпретатором этого стиля. До недавнего времени мы не располагали конкретными фактами, точными сведениями о наличии у русских мастеров гравюр де Брюина в XVII–XVIII в.

Недавно в библиотеке Казанского государственного университета было обнаружено издание цельногравированной Библии Маттеуса Мериана, которая хорошо известна как иконографический источник русского иконописания XVII в.¹ К этому экземпляру были приплетены серия «Сотворение мира» Николая де Брюина, используемая русскими художниками также в качестве иконографического образца в иконописи и церковных росписях, миниатюре и гравюре, и листы из серии «Портреты королей и героев» Николая де Брюина. Подобный состав книги указывает на то, что перед нами не просто Библия Маттеуса Мериана, а специально собранная и активно использовавшаяся русскими мастерами для художественных целей подборка

западноевропейских гравюр-образцов. Собрал этот конволют, по всей видимости, неизвестный нам иконописец или живописец. Открытие этого сборника подтверждает факт непосредственного обращения наших мастеров к гравюрам Николая де Брюина для создания своих орнаментальных композиций.

Известно, что Л. К. Бунин принадлежал к гостинной сотне, что давало ему возможность использовать в своем творчестве различные популярные и редкие западноевропейские иконографические источники. В 1680-х гг. он организовал собственную граверную мастерскую. Вполне возможно, что Бунин обладал и личным экземпляром серии «Портреты королей и героев» Николая де Брюина, поскольку в его работах нередко видим мотивы и «цитаты» из этой серии. Очевидно, что Л. К. Бунин был не единственным в России обладателем «Портретов королей и героев», что доказывает казанская находка.

Сегодня можно достаточно уверенно предположить, что именно эта серия упоминается в описи палат В. В. Голицына, сделанной после его ареста. Среди различных предметов упоминаются: «12-ть персон немецких печатных в рамах золоченых, в том числе один лист без рам» [4, с. 93].

Западноевропейские гравюры привозили в Москву иностранные купцы, что зафиксировано в таможенных книгах Архангельска, а их использование в художественных целях подтверждает русская орнаментальная гравюра².

Исследователями отмечалось, что искусство Московского барокко трансформировалось в Петровскую эпоху и нашло продолжение в народной культуре. Произведения русских граверов XVII в. стали основой для массовой, народной гравюры XVIII в. Орнаментальная гравюра последней четверти XVII в. послужила источником для оформления поздней рукописной книги, нашла отражение в народном искусстве. Западные европейские иконографические источники, мотивы нидерландской орнаментальной гравюры XVI–XVII вв., адаптированные русскими граверами XVII в., стали традиционными образцами и одним из источников развития русского национального орнаментального стиля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сердечно благодарю за указание на эту книги сотрудника научной библиотеки Казанского государственного университета Эльмиру Амерханову.

² Например, в «Росписи заморским кораблям и привезенным товарам» 9 сентября 1687 г. значатся «7 ящиков да 3014 листов фряских», т. е. различных гравюр, которые были доставлены на одном из 15 голландских кораблей, находящихся в это время в Архангельском порту [1, с. 82].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века / сост., подгот. публ. А. В. Демкин. М. : Ин-т отечественной истории РАН, 1992. 118 с.

2. *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный каталог / А. С. Зернова ; ГБЛ им. В. И. Ленина. М. : Изд-во ГБЛ им. В. И. Ленина, 1958. 152 с.

3. *Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков : Альбом орнаментики книг московской печати XVI–XVII веков / А. С. Зернова. М. : Изд-во ГБЛ им. В. И. Ленина, 1952, 28 с., табл.

4. Опись имущества у кн. Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 7198 (1689/90) г. // Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1625. М. : Тип. М. В. Щепкина, 1883. Т. 2. С. 393–394.

5. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков : библиографические материалы. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1903. 460 с.

7. *Хромов О. Р.* Русская орнаментальная гравюра второй половины XVII века и западноевропейская орнаментика // Симон Ушаков и мастера Оружейной палаты: мат-лы науч. конф. М. : Гос. Третьяковская галерея, 2019. С. 109–122.

8. *Хромов О. Р.* Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях XVI–XVII веков : кат. коллекции отд. письменных источников Ярославского гос. историко-архитектурного музея-заповедника. М. : Арт-Родник, 2013. 439 с.

1. Николай де Брюин. Карл Великий. 1594 г.
Из серии «Портреты королей и героев»

2. Николай де Брюин. Царь Давид. 1594 г.
Из серии «Портреты королей и героев»

3. Л. К. Бунин Рамка-заставка с изображением Воскресения Христова в медальоне. Колонки выполнены по оригиналам Ганса Вредемана де Вриса, декоративные элементы заимствованы у Николая де Брюина

4. Николай де Брюин. Иуда Маккавей. 1594 г.
Из серии «Портреты королей и героев»

5. Николай де Брюин. Александр Македонский. 1594 г.
Из серии «Портреты королей и героев»